

СОВРЕМЕНИКЪ.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕ-
РАТУРЫ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ,
НАУКИ И ИСКУССТВА.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Сѣверные города.

Б. И. Дунаевъ. Дѣйствительный членъ Московскаго императорскаго археологическаго общества: Городъ Сольвычегодскъ. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Б. И. Дунаевъ. Сѣверно-русское гражданское и церковное зодчество. Городъ Вологда, Москва, 1914 г. Ц. 3 р.

Г. К. Лукомскій, Вологда въ ея странѣ, Изд. Сѣв. кр. люб. изящ. искуc. СПб. 1914 г. Типографія „Сиріусъ“ 360 ст. 2 изданія, Ц. 3 р. 75 к. и 3 р.

Древне-русское искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, несмотря на самое старательное изученіе, которое особенно горячо ведется въ послѣдніе годы, отнюдь не изучено. Не только на далекомъ сѣверѣ, гдѣ каждый памятникъ ждетъ своего талантливаго изслѣдователя, а даже въ Москвѣ, Ярославлѣ, Новгородѣ до сихъ поръ еще остаются не оцѣненными многія произведенія искусства.

Понадобится нѣсколько поколѣній ученыхъ и художниковъ, прежде чѣмъ можно будетъ перейти къ систематическому составленію исторіи русскаго искусства. И вотъ, когда передъ Б. Дунаевымъ находились сѣверные памятники, съ художественной стороны совершенно не затронутые изученіемъ, только, извѣстные въ литературѣ по древне-русскому искусству, упоминаемые тамъ бѣгло и кстати, для полноты картины—то ли не раздолье было поработать и внести въ изученіе старины свою лепту.

Б. Дунаевъ ограничился пересказомъ старыхъ серьезныхъ работъ П. Савvaitова, Н. Суворова, И. Степановскаго и др. по исторіи городовъ Вологды и Сольвычегодска. Для ученаго, любящаго искусство, научная совѣсть котораго высоко настроена, торопливое выбрасываніе на рынокъ одной книжки за другой, особенно съ переложеніемъ чужихъ мыслей, совершенно недопустимо. Какъ разъ этой торопливостью объясняются ошибки и неточности, находящіяся въ работѣ Б. Дунаева. Говорить намъ придется, главнымъ образомъ, о „Сольвычегодскѣ“, ибо въ этой книгѣ Б. Дунаевъ порядкомъ понапуталъ даже въ заимствованномъ матеріалѣ и доказалъ свою полную неподготовленность къ художественному изслѣдованію памятниковъ старины. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Б. Дунаевъ сообщаетъ: „въ 1607 году Андрей Строгановъ былъ пожалованъ съ потомками въ именитые люди“. Въ „именитые люди“ были пожалованы въ 1610 году, а не въ 1607 году, царемъ Василюемъ Шуйскимъ правнуки основателя рода Строгановыхъ Ѳедора Лукича Строганова, Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ—самые знаменитые члены Строгановской фамиліи, а отнюдь не Андрей Строгановъ.

Относительно строгановскихъ „вкладовъ“ въ церкви русскаго сѣвера слѣдовало сказать опредѣленнѣе, называя мѣста „вкладовъ“, а не бросая мимоходомъ: „разсѣяны во множествѣ“. Явное преувеличеніе.

О построеніи Григоріемъ Строгановымъ Введенскаго монастыря Б. Дунаевъ пишетъ: „мѣстныя преданія разсказываютъ, что Строгановъ выписывалъ мастеровъ изъ-за рубежа, прибѣгая къ ихъ помощи при постройкѣ храма; чертежъ же соборнаго фасада будто бы былъ сдѣланъ въ Голландіи“. Типичный храмъ въ стилѣ поздняго московскаго барокко, а не какого-то „русскаго барокко“, какъ называетъ Б. Дунаевъ, онъ готовъ отдать зодчему-голландцу.

Что же голландскаго въ пышной нарядности оконъ, въ изумительномъ крыльцѣ въ связи съ прекрасной двухэтажной крытой галлереей, единственной въ Россіи, въ ея цвѣтныхъ изразцовыхъ панно, во всемъ этомъ необыкновенно роскошномъ и удивительно построенномъ храмѣ?

Невѣрно прочтена Дунаевымъ стѣнная записка въ Благовѣщенскомъ соборѣ, относящаяся къ именамъ московскихъ иконниковъ XVII вѣка.

Вмѣсто Стефана Ярофѣева, надо читать Стефана Арефѣева.

Перечень досадныхъ обмолвокъ на этомъ можно и закончить.

Но вотъ процитую нѣсколько мѣстъ изъ „Сольвычегодска“, болѣе отвѣтственныхъ и важныхъ, показывающихъ, какими странными описаніями памятниковъ наполнена эта книга. „На врата, на верхъ надъ ними и на фигурчатые столбцы по бокамъ наброшенъ легкій, какъ кружево, ажурно-прорѣзной металлическій покровъ“. „Храмъ—двухэтажный галлерейнаго типа“. „Церкви эти (сужденіе о девяти приходскихъ храмахъ И. Е.) интересны не исключительно мотивовъ своей архитектуры, а тѣмъ, наоборотъ, что наглядно служатъ показателями, какое огромное влияніе имѣетъ иногда на мѣстное зодчество готовый архитектурный образецъ(?). Сольвычегодскіе приемы сводятся къ тремъ такимъ образцамъ—типамъ (?), причѣмъ особенно замѣтно копированіе (?) на примѣрѣ двухэтажнаго „корабельнаго храма“. „Храмъ опоясанъ карнизами, точеными баллюстрадами, осыпанъ характерными для этого стиля („русское барокко“. Б. Дунаевъ) раковинами и другими декоративными мотивами и т. д. и т. п.“

Опредѣленія Б. Дунаева настолько выразительны, что мы положительно затрудняемся оспаривать ихъ.

Въ книгѣ „Вологда“ Б. Дунаевъ ограничился бѣглымъ перечисленіемъ всѣхъ церквей города, пользуясь „Вологодской старинной“ И. Степановскаго (1890).

„Вологда“ иллюстрирована жалкими микроскопическими снимками, на которыхъ не видать ни одной интересной архитектурной детали.

Оцѣнки Вологодскихъ памятниковъ отличаются такой же категорической опредѣленностью, какъ оцѣнки и Сольвычегодскихъ памятниковъ.

Полной противоположностью „трудамъ“ Б. Дунаева является книга „Вологда въ ея старинѣ“, составленная частью членами съвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ, частью Г. К. Лукомскимъ, окончательно проредактировавшимъ всѣ отдѣлы.

Это дѣйствительно нужная книга, основательный справочникъ, какъ бы инвентарь художественныхъ сокровищъ Вологды.

Будучи первой работой по Вологдѣ въ смыслѣ художественнаго подхода къ памятникамъ старины, а не археологическаго, какъ было до сихъ поръ, она по кажется мѣстами особенно дорогой любителю стараго художества. Новый изслѣдователь, который пожелаетъ углубиться въ хранимыя Вологдой сокровища, несомнѣнно не минуетъ влиянія этой книги.

А новый изслѣдователь будетъ, долженъ быть, потому что все же, при всѣхъ наличныхъ достоинствахъ книги, она не совсѣмъ безупречна: она растрепана, нестройна, излишне говорлива и обща, а въ концѣ концовъ поэтому и не даетъ отчетливо индивидуальнаго лица городу. Мы въ каждой строкѣ видимъ искреннее намѣреніе составителей проникнуться художественностью, памятниковъ и рассказать объ этомъ читателю, но какъ видится, не всегда добрыя желанія соотвѣтствуютъ средствамъ исполненія.

Собственно, вполнѣ удачными отдѣлами книги надо назвать только „архіерейскій домъ“, „памятники гражданской архитектуры“ „усадыбы“.

Хорошо, любовно, увлекательно воссозданы усадьбы: окружающія Вологду.

Въ отдѣлѣ „памятники гражданской архитектуры“ есть нѣкоторые пропуски и неправильности: не указанъ хорошей постройки Александровскаго времени двухэтажный особнякъ на Фрязиновской набережной (Больница Губ. Зем.), оригинальный особнякъ на Власьевской улицѣ и проч. Домъ Линдеръ дѣйствительно построенъ въ XVIII в. (смотри цифру въ нижнемъ медальонѣ по фасаду, тутъ же можно замѣтить, три инициальныхъ буквы—должно быть автора (?) постройки *И. Е.*), но крыльцо, ведущее во второй этажъ и показавшееся составителямъ стариннымъ, на самомъ дѣлѣ пристроено нынѣшнимъ владѣльцемъ Линдеръ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтїя. Пристройка была вызвана открытїемъ во второмъ этажѣ аптеки,—такъ что считать крыльцо одновременнымъ зданїю нельзя. За исключенїемъ этихъ незначительныхъ недочетовъ весь очеркъ написанъ живо и выразительно.

Отдѣлъ, занятый описанїемъ всѣхъ церквей (для чего?), надо назвать положительно монотоннымъ, особенно вялы и неимовѣрно скучны „Прилуцкїй монастырь“ и „Соборы“.

Помимо общихъ недостатковъ слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько частныхъ досадныхъ недосмотровъ. Такъ, напр., въ лучшей церкви г. Вологды Варлаамъ — Хутынской, что въ Каменьѣ, постройки 1780 года, составители отмѣчаютъ величественныя печи—монументы въ стилѣ храма. На самомъ дѣлѣ печи въ стилѣ дурного деканса, поставлены десять лѣтъ назадъ на мѣстѣ бывшихъ старинныхъ изразцовыхъ, исчезнувшихъ безслѣдно, навѣрное проданныхъ на сломъ, какъ были проданы еще недавно соборныя изразцовыя печи мѣстному старьевщику, а послѣднимъ перепроданы московскимъ антикварамъ по кирпичу. Оклады въ церкви Іоанна Предтечи, что въ Рошеньѣ сдѣланы купцомъ Леденцовымъ въ 1859 году изъ старыхъ серебряныхъ съ прибавленїемъ по 5 и по 10 фунтовъ новаго серебра, какъ объ этомъ сообщается въ приходо-расходныхъ книгахъ церкви. Относить оклады къ Елисаветинскому времени немыслимо (152 стр). У прекрасной Владимірской звоницы не отмѣченъ замазанный изразцовый поясокъ, опоясывающїй нижнїй четырехгранникъ.

Вологодскїя фрески (въ четырехъ церквахъ) остались совершенно неоцѣненными ибо нельзя считать оцѣнкой цитату въ нѣсколько строкъ изъ «Ист. рус. иску.» И. Грабаря и коротенькихъ собственныхъ замѣтокъ. Къ тому же, составители ошибочно восторгаются деталями росписей, напр. въ Іоанно-Предтеченской церкви, какъ разъ относящимися къ позднѣйшимъ поновленїямъ.

„Вотъ святыя — пишутъ составители — на землѣ, по которой они ступаютъ, растутъ цвѣты—богатѣйшая флора—огромныя махровыя чашечки, колокольчики, розы, цвѣты-плоды, мясистые фантастическія тюльпаны, изогнувшїеся подъ тяжестью своихъ яркихъ, напоенныхъ лепестковъ. Вотъ лѣсъ фантастическїй—скалы, поросшія кустарниковъ, летаютъ стаи птицъ, присѣли тихо кролики, выступаютъ важно, изящно олени.“ (148 стр).

Къ этому описанїю надо прибавить съ восточнаго паруса церкви описанїе города, а надъ нимъ грозы, клубящїеся облаковъ, словомъ, современной картины „съ настроенїемъ“.

Всѣ эти цвѣточки, цвѣты—плоды, тюльпаны, облака и проч. въ неумѣренномъ количествѣ появились, навѣрное, во время Леденцовскихъ покрасокъ въ 1859 году, ибо трудно даже допустить, чтобы все это безвкусіе было написано иконникомъ, хотя бы и начала XVIII вѣка.

Старый иконникъ Зналъ мѣру, онъ писалъ дерево, оленя, зданїе, но онъ не занимался облаками, грозами и „ландшафтиками“.

Вологодскїя фрески заслуживаютъ болѣе спеціальнаго изслѣдованїя, какъ завершительная работа нѣсколькихъ вѣковъ, какъ послѣднїй взмахъ кисти, когда то находившейся въ рукахъ Дїонїсія Феранонскаго.

Много и некстати въ книгѣ восторгаются разнообразными япиками, аналоями, кіютами и примитивными украшеніями самыхъ обычныхъ иконостасовъ.

Неправильна замѣтка о чудесномъ барочномъ иконостасѣ въ церкви Дмитрія чудотворца, что на Наволокѣ.

Разсматривая Дмитріевскій иконостасъ, составители пишутъ: „едва ли онъ во многомъ уступитъ иконостасу церкви Федора Стратилата“. (стр. 131). Но тутъ суще недоразумѣніе. Наоборотъ иконостасъ въ церкви Федора Стратилата почти копія съ деревяннаго рѣзного Дмитріевскаго иконостаса, онъ гипсовый, сдѣланъ однимъ богоугодствующимъ арестантомъ изъ городской тюрьмы двадцать лѣтъ назадъ. А поэтому, нельзя ни сравнивать Федоровскій иконостасъ съ Дмитріевскимъ иконостасомъ, ни тѣмъ болѣе относить его къ половинѣ XVIII вѣка (155 стр). Стиль иконостаса въ ц. Срѣтенія опредѣленъ, какъ *faux gothique*; невѣрно. Иконостасъ у Срѣтенія, несмотря на его позднее освященіе (1837 г.); ампирный.

Совершенно излишними, только загромождающими книгу, надо считать „матеріалы по исторіи Вологды“ (приложенія).

За книгой Г. Лукомскаго останется основоположничество въ художественномъ изученіи Вологды. Старая книга И. Степановскаго „Вологодская старина“ (огромное собраніе свѣдѣній всякаго рода о Вологдѣ) и „Вологда въ ея старинѣ“ Г. Лукомскаго, надолго останутся книгами-пособіями для дальнѣйшихъ работъ по Вологодскому искусству.

Если въ содержаніи книги Лукомскаго есть недостатки, то во внѣшности недостатковъ нѣтъ, или очень мало. Тонкій графическій талантъ Сергѣя Чехонина соединился со вкусомъ такого гурмана книгопечатанія, какъ Г. Лукомскій—и книга вышла образцовой. Хороши въ ней почти всѣ воспроизведенія, со вкусомъ выисканы точки сниманія, хотя далеко не всѣ (см. 209, 224, 257, 259, 260, 265, 283, 291, 292, 293, стр.), четокъ и благородень шрифтъ, пріятна бумага, а главное—очаровательна обложка Сергѣя Чехонина—перерисованный со стараго гербовника 1730 года гербъ города Вологды.

Иванъ Евдокимовъ.